

УДК 327(73)1201+929

ГЕНЕЗИС ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ДЖ. БУША-МЛ.

© 2013 г. **С.Ю. Шенин***
Саратовский государственный университет

Статья посвящена изучению процесса создания и функционирования механизма принятия внешнеполитических решений в администрации Дж. Буша-мл. до 11 сентября 2001 г. Хотя команда Буша формировалась из сторонников реалистического направления, кадровые назначения второго эшелона свидетельствовали о том, что готовится поворот в неоконсервативном направлении и переход к интервенционистской внешней политике.

Ключевые слова: Дж. Буш-мл., Республиканская партия, внешняя политика США, реализм, консерватизм, неоконсерватизм.

На протяжении восьми лет правления республиканской администрации Дж. Буша-мл. в американской внешней политике друг другу противостояли достаточно противоречивые тенденции, группы и интересы. На практике подобные разногласия выливались в неожиданные, порой катастрофические повороты и события, затронувшие судьбы многих стран. В связи с этим представляется важными изучить процесс формирования основных узлов механизма принятия решений в администрации Дж. Буша-мл., в частности, особенности его функционирования на ранних этапах, а именно до 11 сентября 2001 года.

Как известно, начало XXI века во внешней политике США было отмечено резким поворотом вправо. Это было связано как с началом «глобальной войны с терроризмом», так и с обострившейся конкуренцией между различными группами интересов внутри американской правящей элиты. Поскольку к власти в январе 2001 г. пришла республиканская администрация Дж. Буша-мл., то основные бои развернулись между группами консерваторов при почти полном бездействии либерального крыла американского идеологического спектра. Такая пассивность стала следствием крайне болезненного поражения на президентских выборах кандидата от Демократической партии А. Гора и жёсткой критикой серьёзных внешнеполитических ошибок президента-демократа У. Клинтона.

Критика эта шла со всех направлений. Так, оппоненты «слева» (внутри самой Демократической партии) считали, что у Клинтона не было целостной и ясной внешнеполитической стратегии, что он не пытался системно формиро-

* ШЕНИН Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. E-mail: shenins@yahoo.com

вать вильсонские основы нового мирового порядка, а занимался исключительно разрешением кризисных ситуаций, «латанием дыр», когда таковые появлялись. Реалисты-центристы утверждали, что войны, которые Клинтон вёл (Сомали, Босния, Косово), разворачивались вне зоны национальных интересов США. При этом степень самостоятельности внешнеполитических решений президента была довольно низкой, поскольку слишком сильно зависела от внутренних «социальных» импульсов со стороны этнических лоббистских группировок, опросов общественного мнения и давления прессы.

Республиканские критики «справа» инкриминировали Клинтону изобретение чудаковатой системы «вызовов нового века», которая отдавала приоритет таким глобальным проблемам, как экология, «конфликты идентичности», терроризм, права человека, и игнорировала традиционные геополитические угрозы национальной безопасности. Президент слишком активно заигрывал с «растущим» Китаем (*rising China*) и чересчур настойчиво пытался интегрировать Россию в западные структуры. Правда, постепенно он вернулся к «либеральному интервенционизму», характерному для демократов довьетнамской эпохи, однако излишне долго раздумывал прежде чем применить силу, например, в Югославии, а кроме того, использовал для этого никуда не годный предлог – защиту прав человека.

В целом к концу правления клинтоновской администрации значительная часть республиканцев в Конгрессе находилась в оппозиции к политике активной военной вовлечённости в мировые проблемы, что очень напоминало изоляционистскую платформу партии до Второй мировой войны. Наблюдатели отмечали, что переломить эту тенденцию будет крайне трудно любому президенту, особенно таким интернационалистски настроенным республиканцам, каковыми считались оба партийных кандидата на высший пост, т.е. Дж. Маккейн или Дж. Буш-мл. [6; 12].

Тем не менее, учитывая эти господствующие взгляды в партии, один из претендентов, а именно Дж. Буш-мл., сумел достаточно быстро адаптироваться к общему настроению. Выступая на различных предвыборных мероприятиях, кандидат настойчиво повторял, что он – сторонник реалистической внешней политики, что Америка должна вмешиваться в мировые дела «селективно», только для защиты своих материальных ценностей, которые и образуют ядро так называемых «национальных интересов». Нефтяные поля, каналы, морские коммуникации, промышленные объекты – вот всё то, что должна адекватно защищать будущая администрация Дж. Буша-мл., который во время предвыборных дебатов не стеснялся называть себя «трезвомыслящим реалистом». Соответственно, он не станет вмешиваться во внутренние дела других государств даже для того, чтобы «остановить геноцид в странах, лежащих вне стратегических интересов США». Пусть этим занимается ООН. В этой связи логично прозвучало и заявление о его готовности, став президентом, сократить американское военное присутствие за рубежом [13]. Республиканский конвент в августе 2000 г. рукоплескал этим заявлениям и выбрал Буша-мл. в качестве своего кандидата в президенты.

«Кадры – это и есть политика» – любят повторять в кругах американской политической элиты (неслучайно, видимо, и в русском лексиконе намертво

утвердился сталинский аналог той же мысли). Исходя из этой догмы и в подтверждение своих внешнеполитических намерений, на тот момент ещё претендент на высший государственный пост Дж. Буш-мл. сформировал команду из политиков уже подтвердивших свою устойчивую квалификацию умеренных реалистов. Большинство из них исповедовали реализм не исходя из абстрактного гуманитарного или академического интереса, а считая, «что цель американской внешней политики – это бизнес», что магическая сила закона «спроса – предложения» изменит мир: принесёт демократию, обеспечит глобальную стабильность, а американское государство, используя свою мощь, должно способствовать успеху бизнеса на мировой экономической арене.

Столпом умеренного или осторожного реализма в будущей администрации должен был стать номинированный в августе 2000 г. республиканским конвентом на пост госсекретаря бывший руководитель Комитета начальников штабов (КНШ) при Буше-старшем чернокожий четырехзвёздный генерал К. Пауэлл, снискавший себе лавры героя и стратега за выдающуюся роль в победе над С. Хусейном в 1991 г. Член внешнеполитической команды Буша-старшего, близкий соратник её лидеров – госсекретаря Дж. Бейкера и советника президента по национальной безопасности Б. Скоукрофта – К. Пауэлл полностью разделял их взгляды на то, что целей внешней политики следует добиваться только в тесном взаимодействии с союзниками и что военную силу можно использовать лишь в самом крайнем случае. Более того, Пауэлл в своё время пошёл ещё дальше: находясь во главе КНШ, он нашёл смелость высказаться против американского вмешательства в Боснии, а также силового изгнания С. Хусейна из Кувейта.

Одобрённый республиканским конвентом претендент на пост вице-президента Д. Чейни занимал в начале 1990-х годов пост министра обороны в администрации Буша-старшего и одновременно считался выразителем интересов нефтяного бизнеса. Кроме того, он открыто выступал за «деловые», прагматические отношения со странами, которые вызывали неприкрытое раздражение у многих представителей республиканской элиты – с Ливией, Кубой, Бирмой, Южной Африкой [13]. Особенно симптоматично было его негативное отношение к жёстким мерам в отношении Ирана в рамках закона «О санкциях против Ирана и Ливии» (*ILSA – The Iran—Libyan Sanctions Act*), поскольку они, по мнению будущего вице-президента, отрицательно сказывались на развитии нефтяного бизнеса. Правда, намного жёстче, практически бескомпромиссно, он относился к Ираку и С. Хусейну, но, как выразился один из его коллег, «это – личное» [12].

Полное одобрение конвентом получило и назначение на пост советника по национальной безопасности К. Райс, которая была выпестована тем же «гуром реализма» Б. Скоукрофтом*. В период президентства Буша-старшего она занимала пост директора отдела Совета национальной безопасности и советника президента по вопросам СССР и Восточной Европы. Как и Чейни, Райс счита-

* Б. Скоукрофту оппоненты ставили в вину «запредельный реализм»: так, ему было «больно смотреть, как Ельцин шаг за шагом разрушает СССР Горбачёва», и он отворачивал глаза от «картины подавления Хусейном внутренних восстаний в момент, когда совсем рядом находились американские боевые соединения» [13].

лась выходцем из бизнес-структур (была членом совета директоров и владельцем пакета акций в компании «Шеврон», а также членом международного совета банка «Дж. П. Морган»). Она также настаивала на жёсткой селективности целей для применения силы, первичности интересов бизнеса во внешней политике и заявляла, что «верит в силу рынка и экономическую свободу, которые дадут нужный импульс политическим изменениям» [13].

В целом такой состав руководителей внешнеполитического блока команды Дж. Буша-мл., а это были поголовно деятели предыдущей республиканской администрации, подтверждал её «умеренно реалистическую» ориентацию, направленную на обеспечение стабильности в мире ради продвижения американских бизнес-интересов. Однако реализм этот, по мнению критиков «справа» (внутри Республиканской партии), носил уж слишком умеренный характер. Чрезмерная осторожность в выборе целей и инструментов позволила оппонентам утверждать, что заявленный «специфически американский интернационализм» Дж. Буша-мл. больше похож на циничный «европейский интернационализм» французского образца, а это, по мнению критиков, было хуже, чем полное отсутствие какого бы то ни было интернационализма. В этом смысле, утверждали оппоненты, «клинтонам»-вильсониянцам нечего бояться возвращения команды Бушей – она ничего не собирается менять [13].

С одной стороны, так оно и было. Широко разрекламированный реализм предвыборной команды Дж. Буша-мл., особенно «военный пацифизм» К. Пауэлла, должны были символизировать преемственность, недопущение радикального отхода от, как правило, двухпартийной американской внешней политики. С другой стороны, по мнению некоторых аналитиков, не всё было так гладко, как пытались представить «бушиты». Создавалось впечатление, что некоторые члены внешнеполитической команды на этапе предвыборной борьбы только маскировались под классических реалистов или находились в определённом маргинальном идеологическом состоянии из-за двойственности своих «истоков».

Как и предсказывали многие эксперты, первые шаги новой администрации Дж. Буша-мл. не предвещали серьёзных изменений во внешней политике США – она не сильно отличалась от клинтоновской или тем более Буша-старшего. Внешнеполитические дебаты в Вашингтоне касались не принципиальных позиций (кто враг – кто друг, обороняться или нападать, национальные интересы или права человека), а частных, в первую очередь, в какой степени будет сохранён клинтоновский интервенционизм – станет ли он активнее или мягче при Буше-младшем.

Начавшийся процесс раздачи постов в администрации на первом этапе также не обещал потрясений. Буш старался распределять плоды победы таким образом, чтобы угодить всем группам внутри партии и одновременно сбалансировать их влияние. Так, правохристианской группировке* достался пост министра юстиции для Дж. Ашкрофта, представительница движения респуб-

* Группа образует ядро Республиканской партии в южных штатах США, в основном – это неформальная коалиция евангелических и католических партий, ориентированных на привнесение религиозных ценностей в политику.

ликанских феминисток К. Уитмен была назначена на пост главы Агентства экологической безопасности, неоконсервативный деятель Дж. Болтон также получил министерское кресло, став представителем США в ООН [1]. Правда, без всего остались мало влиятельные группы неоизоляционистов (палеоконсерваторов) и «не-интервенционистов», которые объединились в непреклонной оппозиции к Дж. Бушу-мл. и стали ждать своего часа^{*}.

Однако, как уже отмечалось, самую многочисленную группу в администрации представляли реалисты-традиционалисты «от бизнеса». Казалось, они взяли под контроль весь внешнеполитический блок: СНБ, Пентагон и Госдепартамент. Исходя из характера указанных персоналий, привлечённых Бушем-мл. во внешнеполитическую команду в качестве ключевых фигур, ожидалось, что Америка, оставаясь единственной супердержавой, тем не менее, будет не столько определять характер мирового порядка, сколько прагматично реагировать на появляющиеся проблемы (как это и делал Клинтон). Этому должны были способствовать и предвыборные обещания республиканцев снизить налоги и урезать расходы. Пентагон в таком случае точно не мог претендовать на дополнительное финансирование для борьбы с «новыми вызовами», кроме, разве что, программы ПРО (из-за её рейгановских корней – «звёздных войн») [8].

Тем не менее, «дьявол», как всегда, прятался в деталях, а именно в кадровых назначениях чиновников второго уровня. Как только начался этот процесс, вся вышеописанная внешнеполитическая идиллия усреднённого «реалистического мейнстрима» быстро стала распадаться на отдельные мозаичные фрагменты, где уже просматривалась более сложная конфигурация самых разных политико-идеологических направлений и интересов.

Госсекретарь К. Пауэлл, после выбора подчинённых (Р. Армитидж, П. Добрянски, Р. Хаас и т.д.), полностью подтвердил свою репутацию настоящего осторожного реалиста, заняв крайне левую часть спектра консервативных деятелей администрации Дж. Буша-мл. Эксперты самых различных «мозговых центров» (А. Коэн из Фонда «Наследие», И. Даалдер из Института Брукинса, Р. Каган из Фонда Карнеги за международный мир и др.) единодушно отмечали такие качества нового госсекретаря, как приверженность идеалам демократии и свободы, сравнивали его с Дж. Маршаллом, отмечали, что он прекрасно понимает европейцев и что, вообще, работа с союзниками – это его конёк [3].

Пауэлл слышать не хотел о том, что в монополярном мире США могли бы выполнять роль «глобального полицейского». Он принёс с собой в Госдепартамент дух «военного пацифизма», который сформировался в либеральных армейских кругах ещё во времена президентства генерала Д. Эйзенхауэра и был усилен «вьетнамским синдромом». Пауэлл постоянно подчёркивал свою антипатию к военному интервенционизму, к использованию вооружённых сил за рубежом, ибо, по его мнению, это крайняя мера, которую можно применять очень осторожно и аккуратно, и только тогда, когда есть угроза «жизненно

^{*} Основой идеологии палеоконсерваторов стал завет Дж. Вашингтона о невмешательстве в мировые дела и превращении США в «страну-крепость», вооружённые силы которой нужны только для самообороны. Внешняя политика на современном этапе, по мнению палеоконсерваторов, должна быть сосредоточена на обеспечении глобального баланса сил.

важным интересам» США, все ненасильственные меры исчерпаны и разработана «стратегия выхода» [5].

Так называемая «доктрина Пауэлла», которая была сформулирована генералом ещё в начале 1990-х годов, когда он возглавлял КНШ, гласила, что применение вооружённых сил за рубежом возможно только при полной поддержке Конгресса, американского народа и союзников, а также при условии, что армия США имеет в конфликтном регионе подавляющее военное преимущество. Наличие столь многочисленных ограничений на применение вооружённых сил за рубежом вызывало непонимание не только у многих республиканцев, но даже у демократов. Так, представительница последних, М. Олбрайт, будучи представителем США в ООН поинтересовалась у генерала во время слушаний в Конгрессе: «А какой смысл иметь такую замечательную армию, о которой вы постоянно говорите, если её нельзя использовать?» [4].

Естественно, что «осторожность» этой группы реалистов не была обусловлена их гуманностью по отношению к гражданам других стран или солдатам армии США. Их идеология отражала экономические интересы тех американских бизнес-структур (в основном сырьевых и энергетических корпораций, а также некоторых категорий финансовых институтов), которые давно и прочно обосновались в «южных» странах и предпочитали расширять своё экономическое влияние традиционным рыночным путём (поэтому их ещё называют «традиционалистами»), но на базе своих исключительных финансовых возможностей и преимуществ. Военные действия разрушают среду, в которой работают экономические законы и возможна безболезненная экспансия крупного капитала. Тем не менее, ничуть не исключалось аккуратное точечное применение военной силы для корректировки некоторых параметров рынка.

Взгляды советника президента по национальной безопасности К. Райс (как и её первого заместителя С. Хэдли) практически совпадали с позицией Пауэлла. Её эксперты тоже устойчиво относили к категории осторожных реалистов, считающих, что американским «национальным интересам» в большей степени отвечает точечное обеспечение принципа баланса сил между великими державами, а интересы международного сообщества можно оставить на втором плане (не игнорируя их полностью). Она неоднократно демонстрировала антипатию в отношении «активного интервенционизма», а если и соглашалась с необходимостью использования этого подхода, то только в «национальных интересах», которые, с её точки зрения, в основном имели исключительно «материальный характер». Именно поэтому, утверждала Райс, американское «военное вмешательство должно быть очень селективным». Эти её взгляды переполошили американских союзников по НАТО ещё до выборов, когда в октябре 2000 г. Райс заявила, что Буш, если станет президентом, планирует вывести американские войска с Балкан [5].

В этой связи можно было бы говорить о наличии объективной основы для союза этих двух осторожных реалистов. Однако Пауэлл опасался, что Райс могла стать его конкурентом и поэтому сознательно стремился ослабить её. По словам советников президента, он с самого начала потребовал у президента, чтобы обязанности и возможности Райс не мешали ему управлять американ-

ской внешней политикой, чтобы она занималась распределением потока внешнеполитических бумаг и не вмешивалась в процесс принятия решений [5].

Надо сказать, что Пауэлл вообще очень боялся внутренних конкурентов, и многие назначения на данном этапе делались Дж. Бушем-мл. с учётом этой фобии нового госсекретаря. Его настроения серьёзно повлияли и на комплектование самого Госдепартамента: при формировании штата Пауэлл избегал назначения ярких личностей, отдавая предпочтение средней руки бюрократам и ориентируясь больше на исполнительность, чем на талант. Как сказал один из отвергнутых кандидатов-консерваторов, «он ищет только менеджеров-технократов. Он хочет управлять госдепом как своей армейской базой» [5]. Конечно, подчёркивали эксперты, такая политика позволяла Пауэллу надёжно контролировать департамент, но она же ослабляла его внутри администрации, изолируя госсекретаря, оставляя без союзников и противопоставляя остальной команде Буша, включая сотрудников СНБ [5].

Особенно опасно это было потому, что прочие члены команды были его бескомпромиссными идеологическими противниками. Основу группы оппонентов составляли правые республиканцы-интервенционисты, они же – жёсткие консервативные реалисты, «ястребы». Они не сомневались в необходимости максимально активного использования вооружённых сил США для реализации американских «национальных интересов» (в основном тоже «материального характера», но связанных с интересами ВПК, а также с бизнес-структурами, которые не имели устойчивых коммерческих ниш на мировом рынке и рассчитывали на их приобретение силовым путём).

Поначалу многим казалось, что вице-президент Д. Чейни также находился на позициях умеренного реализма, исходя из его предвыборных заявлений и экономических интересов. Однако то, как им решались кадровые вопросы в самом начале правления Дж. Буша-мл., явно переместило его в лагерь «ястребов»-интервенционистов. Принципиальная разница двух философий, по мнению либерального эксперта из Института Брукингса И. Даалдера, заключалась в том, что Пауэлл считал внешнюю политику «инструментом для улучшения мира, а Чейни и его коллеги – оружием для отражения угроз» [3].

Свою внешнеполитическую идеологию вице-президент Д. Чейни планировал осуществлять, минуя Госдепартамент и засевших там осторожных реалистов, через Министерство обороны. Для этого он плотно «упаковал» Пентагон своими сторонниками, жёстко продавливая нужные кадровые решения и отодвигая при этом в сторону даже госсекретаря. Например, на заседание в Белом доме, посвящённое назначению его близкого сторонника и соратника Д. Рамсфелда на пост министра обороны, госсекретаря К. Пауэлла просто «забыли» пригласить [5].

Стратегическая ориентация Д. Чейни на активный интервенционизм усиливалась ещё и тем, что консервативные реалисты не гнушались демонстрировать свою близость к небольшой, но влиятельной группе «внешнеполитических экстремистов», «суперястребов», которая получила название неоконсерваторов. Более того, Чейни настойчиво и целенаправленно тянул их во власть.

Со времён президентства Р. Рейгана неоконсерваторы ратовали за проведение активистской и даже агрессивной внешней политики США (при необхо-

димости гипотетически рассматривались даже односторонние акции). Целью такой политики должно было стать формирование американской «гуманитарной глобальной гегемонии» через распространение демократии, защиту прав человека и утверждение мирового лидерства США. Неоконсерваторы уверены, что внутреннее устройство каждой страны влияет на её внешнюю политику. Поэтому нет смысла дожидаться появления угроз со стороны враждебных стран – необходимо вмешиваться в их внутренние дела с целью решения задач морального и идеологического характера, установления либерально-демократических порядков, способных обеспечить разумное поведение этих государств на международной арене. Такое вмешательство, с их точки зрения, оправдано и законно. Именно это убеждение отличает неоконсерваторов от классических реалистов-традиционалистов, которые всегда выражают готовность «торговать хоть с людоедами» и декларируют своё безразличие к чужим внутренним делам.

Надо отметить, что союз жёстких консервативных реалистов и неоконсерваторов складывался уже давно, а именно со второй половины 1990-х годов. Когда в 1997 г. был организован мозговой центр «Проект за новый американский век» (*Project for a New American Century – PNAC*), ставший интеллектуальной цитаделью неоконсерватизма, первая же его декларация – о необходимости строить «Пакс американ» интервенционистскими методами – была подписана многими видными консервативными реалистами, включая Д. Чейни, Д. Рамсфелда, «Джеба» Буша (брата Джорджа Буша-мл.) и т.д.

Эти группы объединяло многое: преданность интересам ВПК, агрессивный интервенционизм миссионерского типа, преклонение перед активизмом Р. Рейгана, готовность безоговорочно следовать курсу на доминирование США в мире и решимость в случае надобности использовать для достижения этой цели вооружённые силы США «в необходимом объёме». Правда, при этом конечные ориентиры у них были разные. Консервативные реалисты Д. Чейни и Д. Рамсфелд руководствовались материально-экономическими интересами, в основном фокусируясь на продвижении силовыми методами так называемых «свободных» рыночных отношений и принципов. Неоконсерваторы, в свою очередь, декларировали необходимость «нести на штыках» демократию и права человека.

Получив возможность принимать ключевые кадровые решения по формированию администрации, Чейни сумел продвинуть неоконсерваторов на многие важнейшие посты. Он рассчитывал, что это укрепит его позиции и позволит добиться реализации совместных планов, ибо неоконсерваторы, не имевшие популярности и веса в обществе, тем не менее, имели мощный потенциал лоббирования в Конгрессе и СМИ*.

* В той или иной степени неоконсерваторы контролировали такие издания, как «Уолл-стрит джорнел», «Уикли стэндард», «Нэшнл ревю», «Вашингтон таймс», «Нью-рипблик» и даже «Фокс ньюс». Кроме того, неоконсерваторы в своей работе использовали такие «мозговые центры», как Американский институт предпринимательства, Проект за новый американский век, Институт медийных исследований на Ближнем Востоке, Гудзоновский институт, Вашингтонский институт ближневосточной политики, Ближневосточный форум, Центр политики безопасности.

Самым известным неоконсервативным деятелем, претендовавшим на высокий пост в администрации, был П. Вулфовиц. Он считался «наиболее интеллектуальным» членом команды Дж. Буша-мл., бескомпромиссным врагом классического реализма и общепризнанным «внешнеполитическим экстремистом». Ещё в 1992 г. он переполошил всю американскую элиту, потребовав без колебаний использовать военное превосходство США для того, чтобы «не дать потенциальным конкурентам даже помыслить о возможности расширения своей региональной или глобальной роли» [5].

Поскольку Вулфовиц имел огромный опыт работы в администрациях начиная с президента Дж. Форда и был у Чейни «правой рукой» при подготовке «Войны в заливе», то вице-президент поначалу пытался выдвинуть его на пост министра обороны. Однако эту кандидатуру жёстко заблокировал К. Пауэлл. От предложенного поста директора ЦРУ Вулфовиц отказался сам, поскольку должность была «неполитическая» и не давала перспектив роста внутри администрации. Зато он активно пытался получить пост представителя США в ООН (это – уровень министра, а кроме того, из этого кресла, как показал пример той же М. Олбрайт, было легко перебраться в кресло госсекретаря). Однако Пауэлл опять же не позволил Вулфовицу получить желаемое, видя в этом для себя только головную боль (хотя госсекретарь согласился отдать этот пост другому известному неоконсерватору, Дж. Болтону, от которого «не ждал подвоха» и которому доверял как «командному игроку»).

В итоге Вулфовица, к его неудовольствию, назначили заместителем Д. Рамсфелда. Он был разочарован, ибо полагал, что его заслуги перед консервативным движением (в том числе и в избрании Дж. Буша-мл.) были оценены очень низко: ведь «Рамсфелда никогда не видели рядом с Бушем во время предвыборной кампании, а Вулфовиц неоднократно фотографировался с республиканским кандидатом и был одним из его ближайших советников» [1].

Кроме него и Болтона, Чейни нашёл в администрации место для ещё одного видного неоконсерватора, Л. Либби («Вулфовиц Вулфовица», как его характеризовали коллеги), который стал руководителем аппарата вице-президента. На высокие посты были также назначены такие опытные неоконсерваторы, как Э. Эдельман, В. Шнайдер, З. Халилзад, Д. Фейт [1; 5].

Наиболее болезненными точками в спорах «реалистов-голубей» и «консерваторов-ястребов» были Ирак, Балканы, Китай и расширение НАТО. Однако самый большой резонанс в этом противостоянии вызвала так называемая «энергетическая стратегия», сформулированная «спецгруппой Чейни» в мае 2001 года.

Так, реалисты-традиционалисты, представлявшие интересы корпораций, работавших в энергетическом, в основном в нефтяном секторе по всему миру, требовали принять такую стратегию, в рамках которой интересы бизнеса становились бы первичными, приоритетными. А американское государство со всей его военно-политической и финансовой мощью должно было ориентироваться на создание максимально благоприятных условий для стабильной и спокойной экспансии корпораций безо всякого «бряцания оружием», чтобы не разрушать сложившуюся за предыдущие десятилетия в целом вполне благоприятную глобальную инвестиционную ситуацию.

Многие традиционалистские «мозговые центры» (Центр стратегических и международных исследований – *CSIS*, Институт публичной политики Дж. Бейкера – *IPP*, Совет по международным отношениям – *CFR*, и т.д.) весной 2001 г. активно публиковали доклады, подготовленные известными экспертами, смысл которых сводился к тому, что политические и идеологические пристрастия отдельных лоббистских группировок и групп интересов вокруг Белого дома не должны препятствовать осуществлению очень важных прагматических проектов, например, дальнейшему развитию энергетического потенциала стран Персидского залива, а также Каспийского региона с помощью иранского транзита. Все они рассчитывали на то, что в Чейни победит «нефтяник» и вспоминали его знаменитые высказывания осенью 1999 г., когда он выступил против запрета на транспортировку нефти через Иран [9].

Однако Чейни не оправдал ожиданий «капитанов» нефтяного бизнеса. В рамках «энергетической стратегии», опубликованной 18 мая 2001 г., на первый план явно выдвигались геополитические интересы США (например, необходимость преодоления нефтяной зависимости от Персидского залива, особенно Саудовской Аравии, отстранения от каспийских ресурсов Ирана и России и т.д.), а корпорациям, сырьевым и энергетическим, отводилась инструментальная роль – их материальные интересы напрямую зависели от геополитических успехов администрации [11].

Таким образом, пентагоновское прошлое Чейни и «завязки» на ВПК оказались сильнее его же нефтяных интересов, хотя «встроенность» последних в военно-политические приоритеты также была очевидна – корпорациям была обещана серьёзная финансовая поддержка, если они будут реализовывать свои проекты в рамках геополитических интересов администрации. Первым таким проектом был объявлен трубопровод Баку – Тбилиси – Джейхан. Администрация Дж. Буша-мл. пообещала инвестировать в него 1,5 млрд. долл., и отказывавшиеся ранее от его строительства крупные нефтяные корпорации выстроились в очередь на вступление в клуб «друзей БТД» [2]. На этом фронте классические реалисты потерпели сокрушительное поражение, которое к тому же указывало на то, что глобальная стратегия администрации начинает переходить на новые рельсы, ещё не неоконсервативные, но уже жёстко-консервативные.

Разногласия по Ираку начались ещё в первую кампанию, которую проводил Дж. Буш-старший. Как известно, уже через четыре дня после её начала глава Комитета начальников штабов К. Пауэлл стал настаивать на прекращении войны и помощи иракским повстанцам. Всё это привело к сохранению власти С. Хусейна в Ираке. Став госсекретарем, генерал подтвердил своё отрицательное отношение к иракской оппозиции как неспособной свергнуть Хусейна ни при каких обстоятельствах. Неоконсерваторы, например, П. Вулфовиц, наоборот, все эти годы активно лоббировали оказание помощи повстанцам, пытаясь привлечь внимание к пассивности Пауэлла в момент резни, которую устроил Хусейн. После своего назначения на пост министра обороны Д. Рамсфелд присоединился к Вулфовицу в требовании помочь иракским повстанцам в борьбе с тираном, а Чейни даже лично встретился с лидером Иракского национального конгресса А. Чалаби.

Ещё одним пунктом разногласий было участие США в балканских конфликтах. Уже на этапе предвыборной кампании команда Дж. Буша-мл. раскололась. Пауэлл, который все 1990-е годы утверждал, что у США нет «жизненно важных» интересов на Балканах, настаивал на необходимости уменьшить американское военное присутствие в регионе. Как уже указывалось, К. Райс пошла даже дальше, заявив о том, что Дж. Буш, если придёт к власти, выведет войска из Боснии и Косова, чем повергла европейских НАТОвцев в шоковое состояние.

Однако «ястребы», напротив, были сторонниками самого активного вмешательства в балканские дела. Рамсфелд с 1994 г. требовал от Клинтона «остановить бесчинства сербов в Боснии». В 1999 г., когда большинство республиканцев-консерваторов требовали завершения косовской операции, он опять же говорил о необходимости наращивать американское участие. И даже во время своего утверждения в сенате кандидат в министры обороны утверждал, что намерение Пауэлла установить твердую дату вывода войск «неразумно». П. Вулфовиц и З. Халилзад также поддерживали агрессивную политику на Балканах и жёстко полемизировали с Пауэллом на протяжении всех 1990-х годов.

И всё же самой важной проблемой, разделявшей группировки в администрации, стал Китай. Пауэлл активно укомплектовывал госдепартамент специалистами-синологами, относившимися к Пекину «примирительно». Более того, им была инициирована кампания по «просвещению» антикитайских «ястребов» администрации в отношении позитивных перспектив сотрудничества с Китаем. К. Райс также безуспешно пыталась смягчить жёсткую антикитайскую платформу, принятую республиканским конвентом в августе 2000 года.

Рамсфелд же, напротив, был непреклонен в том, что Пекин представляет угрозу для американского влияния в Азии и обвинял оппонентов в «самообмане». Вулфовиц, заняв официальный пост, встретился с представителями Тайваня, на основании чего наблюдатели сделали вывод, что первым же серьёзным шагом новой администрации может стать одобрение продажи крупной партии оружия Тайбэю, решение, которое неизбежно расколется администрацию и испортит отношения с Пекином. Как утверждали в этой связи эксперты, команда Рамсфелда сама в состоянии «просветить» Пауэлла [5].

Ещё одна линия раскола проходила по планам «расширения НАТО» на регион Балтики. «Ястребы» считали, что здесь на кону стояли американские ценности и интересы, ибо Прибалтика – это «Восток Запада», стратегически важный пограничный плацдарм. Местное население за одно только десятилетие героического труда сформировало ценности рынка, демократии и прав человека и заслужило американскую защиту от «угрозы с Востока». Команда Пауэлла, напротив, настаивала, что никаких «национальных интересов» у США здесь нет, ибо суммарное население трёх прибалтийских стран составляет менее половины населения Финляндии, в отношении которой вопрос о приёме в НАТО никогда серьёзно не ставился. Присоединение прибалтов к НАТО могло увеличить стратегическую цену и риски для США и Западной Европы и по сему было «безрассудным и безответственным» шагом. В том же духе, но несколько мягче по форме, высказался и Г. Киссинджер: «Граница

Эстонии проходит в тридцати милях от Санкт-Петербурга. Продвижение единого командования НАТО так близко к ключевым центрам России может стать препятствием для превращения России в конструктивного члена возникающего мирового порядка» [7].

Кстати, приверженцы позиции Киссинджера идеологически занимали промежуточную нишу между двумя конфликтующими группами. С одной стороны, бывший госсекретарь поддерживал Пауэлла и был категорическим противником идеи «ястребов» о возможности в одностороннем порядке сформировать «гуманитарную глобальную гегемонию». Киссинджер считал, что американская мощь не беспредельна, а «глобальная гегемония» противопоставит США всему миру, который объединится в борьбе с американским «гуманитаризмом». Это неизбежно приведёт «ведущую державу к изоляции и истощению», а такой замечательный многосторонний инструмент, как НАТО, пострадает в первую очередь. С другой стороны, он критиковал и осторожных реалистов за боязнь использовать американскую военную мощь, считая, что это надо делать решительнее, просто не использовать её односторонне [10].

Таким образом, на начальном этапе работы администрации Дж. Буша-мл. во внешней политике доминировали три группы – осторожные реалисты, консервативные реалисты и неоконсерваторы. Последние две тесно сотрудничали по большинству вопросов и группировались в Министерстве обороны и Белом доме. Они жёстко противостояли группе осторожных реалистов-традиционалистов К. Пауэлла и К. Райс (Госдепартамент и СНБ), отношения между которыми были как минимум не союзническими.

Анализируя соотношение сил на начальном этапе работы администрации, наблюдатели полагали, что «тройка» Чейни – Рамсфелд – Вулфовиц сможет определять политику исполнительной власти по всем важнейшим стратегическим направлениям. Аргументы при этом приводились трёх типов: организационные, личные и финансовые.

Все признавали, что Д. Чейни сможет контролировать внешнеполитическую линию Белого дома уже потому, что Дж. Буш-мл. не проявляет интереса к внешней политике и не обладает знаниями в этой сфере. Чейни сразу предпринял серьёзные шаги в этом направлении: как отмечалось, он укрепил свою команду бывшим помощником Вулфовица неоконсерватором Л. Либби, усилив его позиции титулом советника по национальной безопасности при вице-президенте, что позволило последнему стать полноправным участником всех межведомственных совещаний. Более того, Чейни сразу взялся за создание своего собственного «теневого» совета национальной безопасности, который был укомплектован экспертами за счёт официального СНБ К. Райс [5].

Наблюдатели указывали и на очень сильную фигуру Д. Рамсфелда. Подчёркивалось, что он – «непревзойдённый бюрократический боец», который ещё в 1970-е годы, во времена президента Дж. Форда в нескольких случаях брал верх над самим Г. Киссинджером. Бывший госсекретарь, в свою очередь, охарактеризовал Рамсфелда следующим образом: «Это особый вашингтонский феномен – мастеровитый штатный бюрократ-политик, в котором гармонично сочетаются амбиции, способности и сущность» [5].

Наконец, материальные возможности групп сильно разнились. Так, бюджет Пентагона был равен, как минимум, 300 млрд. долл., а Госдепартамент обычно не получал даже 10% этой суммы. Как подчёркивал эксперт Гудзоновского института генерал В. Одом, «огромные ресурсы позволяют Пентагону настолько уверенно определять внешнюю политику, что даже Госдепартамент не может с ним конкурировать». В конце концов, все «разногласия групп идут по линии использования силы, а это – безусловная прерогатива министра обороны, у которого в этих вопросах намного больший вес, чем даже у его конкурента из Фогги-Боттом (госдепа)» [5].

Правда, слабость команды «ястребов» крылась там же, где и сила, а именно в Пентагоне: офицерский корпус почти во всех ситуациях крайне настороженно относится к применению силы, и это стало «канонической традицией», идущей со времен Эйзенхауэра и породившей «военный пацифизм» вместе с феноменом госсекретаря Пауэлла. Кроме того, многие генералы Пентагона заранее были недовольны «зацикленностью» Рамсфелда на программе ПРО, ибо она могла «съесть» фонды других общевойсковых программ [5].

С другой стороны, стан осторожных реалистов оказался расколотым из-за личных фобий Пауэлла, который не смог создать вокруг себя «дружественного окружения». Тем не менее, отставной генерал имел одно большое преимущество – ему «не нужна была эта работа, это Бушу он был нужен как госсекретарь», как противовес «ястребам». Только Пауэлл «мог сделать это – пройти по тонкому канату» [3]. К плюсам группы относилось и влияние К. Райс на президента: всем было известно, что именно она оставалась главным источником его знаний о внешней политике.

Таким образом, можно констатировать, что команда Дж. Буша-мл. до выборов достаточно определённо заявляла о своей умеренно-реалистской внешнеполитической ориентации. В качестве доказательства в августе 2000 г. «неинтервенционистски» настроенному конвенту для назначения на высшие внешнеполитические посты были представлены К. Пауэлл, К. Райс и даже Д. Чейни, который также выглядел как умеренный реалист. Однако последовавшее за победой республиканцев в ноябре 2000 г. распределение постов второго эшелона в избранной администрации показало, что произошло внутреннее размежевание по линии осторожный реализм – консервативный реализм, а кадры явно подбирались под решение задач интервенционистского характера.

Д. Чейни, получив от Дж. Буша-мл. карт-бланш на комплектование своими сторонниками-«ястребами» аппаратов Белого дома и Пентагона, фактически готовил почву для возрождения активистской внешней политики рейгановского миссионерского типа. В этом же направлении предпринимала администрация и другие шаги. К ним относится прежде всего принятие «энергетической стратегии» в мае 2001 г., а также отказ от соблюдения десятков международных соглашений, которые связывали интервенционистам руки (Киотский протокол, Международный уголовный суд, Договор по ПРО, Конвенция о запрете противопехотных мин и т.д.).

Список литературы

1. Analysis: Handicapping the Appointments // United Press International. 25.01.2001.
2. *Daly J.* The Caspian Oil Fix // The Christian Science Monitor. 08.02.2001.
3. Feature: Think Tanks Scrutinize Powell // United Press International. 22.02.2001.
4. Government of the United States. House Committee on International Relations Holds Hearing to Receive Testimony from the Secretary of State. 21.04.1999. Washington, D.C., 1999.
5. *Kaplan L.* Cheney versus Powell, Round Two // The New Republic. 5.02.2001. P. 47.
6. *Kraynak R.* Toward a Conservative Postmodernism // Modern Age. Vol. 42. No. 3 (July, 2000). P. 304.
7. *Kurth J.* The Next NATO: Building an American Commonwealth of Nations // The National Interest. 1.10.2001. P. 5.
8. *Levin R.* U.S. Foreign Policy Will Be Realism as Usual // International Herald Tribune. 22.02.2001.
9. *MacKinnon C.* Will the New Administration Formulate New Iran, Caspian Policies? // Washington Report on Middle East Affairs. 31.03.2001. P.32.
10. *Mearsheimer J.* Kissinger's Wisdom... and Advice // The National Interest. 1.10.2001. P. 123.
11. National Energy Policy. Report of the Energy Policy Development Group. U.S. Government Printing Office. Washington. May 2001.
12. *Tanenhause S.* When Left Turns Right, It Leaves the Middle Muddled // The New York Times. 16.09.2000.
13. Unwelcome Back // The New Republic. 14.08.2000. P. 1.